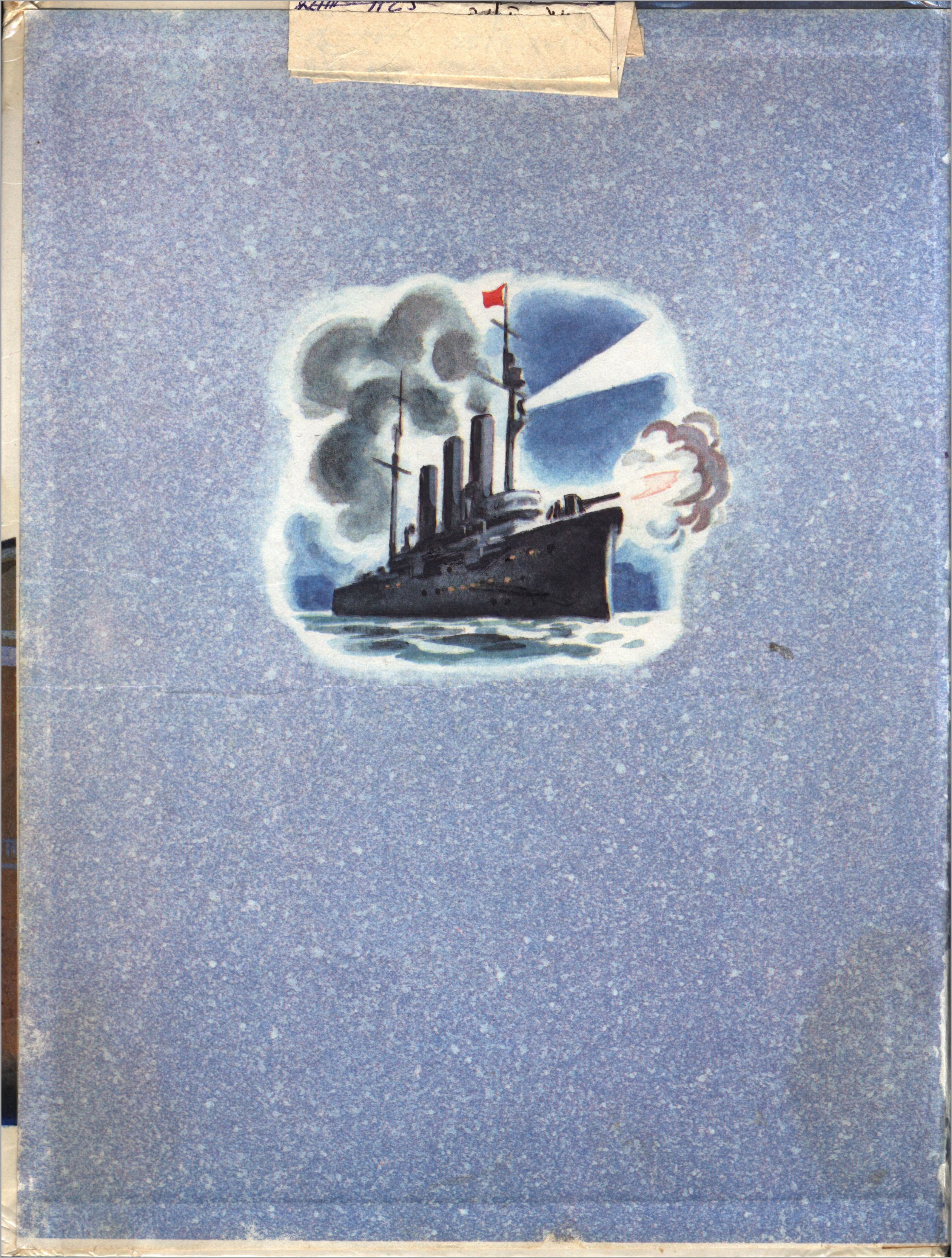

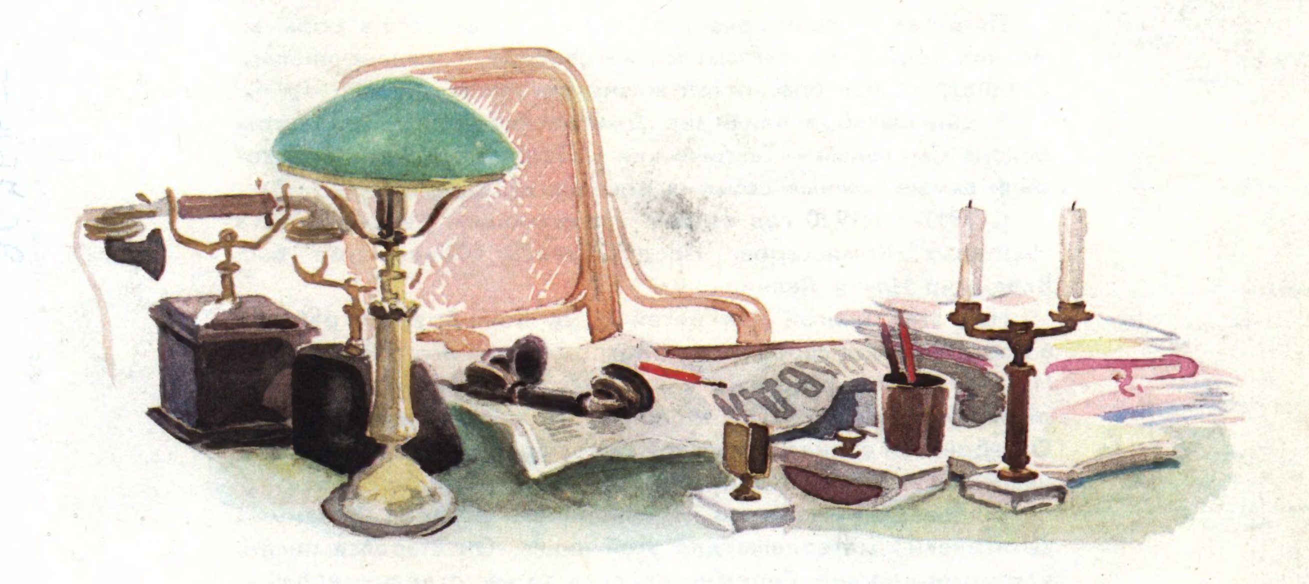
В. БОНЧ-БРУЕВИЧ
НАШ ИЛЬИЧ
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"

В. БОНЧ-БРУЕВИЧ

НАШ ИЛЬИЧ

Воспоминания

РИСУНКИ К. БЕЗБОРОДОВА

МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1984

ББК 13.5
3К26

Старый большевик Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич написал для вас, дорогие ребята, свои воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Он хорошо знал Владимира Ильича, долгие годы вместе с ним работал и в своих воспоминаниях с большой задушевностью рассказывает об Ильиче.

С шестнадцати лет В. Д. Бонч-Бруевич вступил на путь революционной борьбы. Тогда только зарождалась наша партия, и Владимир Дмитриевич в условиях подполья выполнял самые различные её поручения. Он сотрудничал в ленинской газете «Искра», перевозил в Россию нелегальную партийную литературу, печатные станки и вооружение для боевых дружин.

Пять раз царское правительство заключало его в тюрьмы. Но как только он оказывался на свободе, снова начиналась трудная, полная опасностей жизнь революционера.

В дни Октября Владимир Дмитриевич был комендантом района Смольный — Таврический в Петрограде, где происходили самые важные события революции.

С 1917 по 1920 год он был управляющим делами Совета Народных Комиссаров. Председателем Совнаркома был Владимир Ильич Ленин.

Над этой книгой для детей В. Д. Бонч-Бруевич работал в последний год своей жизни. Воспоминания его о Владимире Ильиче Ленине относятся к разному времени: и к суровым дням большевистского подполья, и к событиям Великой Октябрьской социалистической революции, и к первым годам нашей Советской власти.

С большой любовью и вниманием отбирал Владимир Дмитриевич материалы для этой книги. Он старался писать как можно проще, бережно донести до нас отдельные факты и события из жизни Владимира Ильича Ленина.

— Владимир Ильич безгранично любил детей и очень о них заботился,— говорил Владимир Дмитриевич.— Я был бы счастлив, если бы эта маленькая книжка передала детям сердечную теплоту ленинского образа, такого дорогого нам всем.

Б $\frac{4803010102-222}{М101(03)84}$ Без объявл.

О ДЕТСТВЕ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА

Я часто расспрашивал родных Владимира Ильича о его детских годах. Особенно любила рассказывать об этом его старшая сестра Анна Ильинична.

— Володя вставал в определённый час,— рассказывала она.— В гимназию он должен был являться к половине девятого утра. Ровно в семь часов Володя просыпался сам — его никто не будил. Проснувшись, он сейчас же вставал, не позволяя себе валяться в постели. Чистил зубы, хорошо умывался и обтирался водой по пояс. Володя сам убирал постель. У нас в семье был такой порядок: дети сами себя

обслуживали. Девочки должны были следить, чтобы и у них самих и у мальчиков всё было зашито, заштопано.

Затем Володя садился за повторение уроков, которые он всегда делал с вечера. В это время мать готовила завтрак. Мы все сходились в столовой и съедали всё, что нам давали. Особенно за этим следил Володя; у него был прекрасный аппетит, и он смеялся над теми, кто вяло ел.

«Ест, как будто воз с сеном в гору везёт! — приговаривал он.— Вот будешь больная, малосильная»,— подтрунивал он надо мной. (Я по утрам плохо ела.)

Из наших окон было видно, как возы с сеном подымались от пристани парома в крутую гору, от Волги в город. Маленький Володя часто наблюдал, как на эту крутизну вползали тяжёлые возы, запряжённые небольшими крестьянскими лошадьми, которым изо всех сил помогали возчики.

Мать давала всем детям с собою завтрак. Володя укладывал его в ранец и был очень доволен, когда в придачу получал яблоко. Десять минут он смирно высиживал, так как мать не позволяла нам сейчас же после чая выходить на улицу, чтобы не простудить горло. Ровно в десять минут девятого Володя вставал, прощался с матерью и отцом, быстро одевался, застёгивался по форме на все пуговицы и уходил.

Придя домой из школы, он гулял во дворе около часа или двух, смотря по погоде.

Володя очень любил играть в лапту, в салки и особенно в казаки-разбойники. Его всегда выбирали атаманом. В игре он был очень справедлив. Он был сильный мальчик, но терпеть не мог драк, никогда в них не участвовал и всегда прекращал игру, как только начинались недоразумения.

«Это не игра,— говорил он,— это безобразие».

Бывали случаи, что он осуждал себя в игре, доказывая, что он неправильно поступил как атаман.

К обеду мы собирались все вместе за столом и рассказывали, что произошло за день. Мать и отец внимательно выслушивали нас и принимали близко к сердцу все наши дела.

Мать требовала, чтобы один день мы говорили с ней и между собой по-русски, другой — по-французски, третий — по-немецки. Это очень помогало всем нам изучить эти языки. Володя знал их в совершенстве. Позднее он сам изучил английский, итальянский и польский языки. Особенно полюбил он с первых классов гимназии латинский и греческий языки. Эти языки довольно трудно давались ученикам, а ему — легко.

После обеда Володя садился за уроки. Он всегда по всем предметам делал больше, чем задавали. Много читал. Переходил Володя из класса в класс с наградами и кончил гимназию первым учеником, с золотой медалью.

В его комнате всегда было чисто, книжки завёрнуты в газетную бумагу, в тетрадках всё было аккуратно. Володя как-то посадил на страницу большую кляксу. Это его очень взволновало. Он вынул этот лист из тетради, вшил другой и сейчас же переписал все три страницы, ранее им сделанные. Во время занятий он был очень сосредоточен, не отвлекался. Кончив уроки, нужные книжки и тетради он убирал в ранец, а всё остальное — в стол или на полки шкафа, в свою библиотеку, на которую у него был составлен в тетрадке каталог.

Приготовив уроки, Володя с увлечением играл с младшими сёстрами. Потом мы все пили чай и ужинали ровно в восемь часов вечера, а в половине девятого Володя шёл чистить зубы, умывался перед сном и, простившись со всеми, ложился спать и засыпал немедленно. Хотя он и любил пошалить, но был послушным: слово матери и отца для него было законом. Он выполнял всё, что они ему говорили. И в семье его очень любили.

ВАЛЕНКИ

Ленин отбывал ссылку в далёком сибирском селе Шушенском. Это было в те годы, когда создавалась наша партия. Чтобы собрать лучших людей в партию, создать её, Владимир Ильич и в ссылке много работал. Он писал об этом статьи. Статьи надо было переправлять товарищам, которые находились на воле и могли их напечатать в нелегальной газете. Но как? — вот был мучительный вопрос. Долго думал Владимир Ильич, как провести полицию и жандармов, и наконец придумал. Он решил зашить статьи

между подмётками валенок и отправить их старой революционерке Лидии Михайловне Книпович, которая жила в Астрахани под надзором полиции.

У Книпович было несколько партийных кличек: «Дяденька», «Дедов», «Бабушка». Она действительно была старше нас всех. Владимир Ильич очень уважал её за преданность делу, за смелость в решении самых

рискованных партийных дел. Он знал, что «Бабушка» догадается извлечь статьи из валенок и передаст их тем товарищам, которые сумеют их напечатать.

Много позднее Книпович рассказывала мне:

— Был жаркий весенний день. Стучится ко мне почтальон и вручает извещение о посылке. «От кого это?» — думаю. Собираюсь и бегу на почту. Предъявляю повестку. Через несколько минут выносят посылку. Беру посылку и вижу: она из Минусинска. Фамилия отправителя мне неизвестна. Что за оказия? Прихожу домой, торопливо вскрываю посылку и вынимаю поношенные, но ещё крепкие валенки. Заглядываю внутрь и достаю письмо, написанное незнакомым мне почерком. Читаю...

И Книпович подробно пересказала мне своими словами письмо Владимира Ильича:

— «Дорогая бабушка, очень нас беспокоит Ваше заболевание ревматизмом. Доктора советуют при этой серьёзной болезни всегда держать ноги в тепле. Мы знаем, что у Вас нет тёплой обуви, и боимся, что Вы простудитесь. В Астрахани всегда сыро от моря и туманов и погода крайне переменчива. Носите, пожалуйста, валенки и не простуживайтесь. Валенки ещё хорошие, тёплые, подошвы двойные. Мы здесь в Сибири их всегда носим и очень довольны. Мы, слава богу, живы, здоровы, чего от всей души и Вам желаем. Надя шлёт Вам поклон и привет. Всегда вспоминает Вас, поминая добрым словом. И я желаю Вам всего наилучшего». А дальше подпись с росчерком, которую нельзя разобрать. Я сразу догадалась, что это посылка от Владимира Ильича. «Но почему валенки?» — думала я. Тщательно их осмотрев, я решила отпороть подошву. Заперла комнату на крючок, отошла в самый дальний угол, чтобы меня не было видно из окна, и стала бережно отпарывать подшивку. Отворачиваю войлок и вдруг вижу уголок белой бумаги. Я заторопилась и вытащила тоненькие, мелко исписанные листочки. Я узнала почерк Влади-

мира Ильича. Это были его статьи и письмо в редакцию газеты. Так вот почему Ильич прислал мне валенки!.. Я спрятала статьи в потайное место под полом. А валенки стала носить, объясняя соседям, что так велел доктор, чтобы не застудить ноги. Статьи мне удалось переправить в надёжные руки...

Позднее, когда Владимир Ильич и Надежда Константиновна были в Женеве, я расспрашивал Надежду Константиновну, почему Владимир Ильич послал свои статьи Книпович, высланной в Астрахань под надзор полиции. И Надежда Константиновна объяснила мне это.

Владимир Ильич знал, что Книпович — умный, опытный конспиратор. Он был уверен — она догадается, что посылка с «секретом». Сама же посылка с валенками никого не удивит: у Книпович мог быть ревматизм, это вполне естественно. Если местная охранка узнает о посылке, то, конечно, ей и в голову не придёт, что кто-нибудь осмелился послать нелегальные статьи в адрес лица, находящегося под гласным надзором полиции.

Владимир Ильич сам подшил вторые войлочные подмётки, вложив статьи, написанные на тонкой бумаге. Когда же всё было готово, прощупать эти листки было невозможно.

Работой своей Владимир Ильич остался доволен. Он даже шутил, что может стать сапожником и, если круто придётся, зарабатывать этим ремеслом на хлеб.

Самым трудным оказалось переправить посылку в Минусинск. Владимир Ильич зашил валенки в полотно, изменив почерк, надписал адрес. Адрес отправителя он выдумал, чтобы никого не подвести в случае провала. Воспользовавшись проездом через Шушенское каких-то купцов, Владимир Ильич рискнул попросить ямщика-крестьянина отправить валенки по почте откуда-нибудь поближе к Минусинску. Он дал ямщику десять рублей. Ямщик сунул валенки к себе в козлы, сказав, что сделает всё как надо

и что почтовую квитанцию завезёт на обратном пути.

Вскоре купцы двинулись в путь. Владимир Ильич всё время наблюдал за их сборами и, когда они выехали, уверенно заявил, что всё будет в порядке.

— У ямщика хорошее лицо: без хитринки, — сказал он.

Прошло почти с неделю, как вдруг кто-то постучал в окно дома, где жил Ленин. Надежда Константиновна накинула платок и вышла на крыльцо. Перед ней стоял знакомый ямщик.

— Вы хозяйка будете? — спросил он. — А где ваш хозяин?

Владимир Ильич, увидев в окно, что кто-то разговаривает с Надеждой Константиновной, тоже вышел на крыльцо.

— А, ваше здоровье! — обрадовался ямщик. — Вот, извольте получить квитанцию и сдачу.

— За квитанцию благодарю, — сказал Владимир Ильич, — а сдачи не нужно, это вам за труды.

— Какие же это труды! — возразил ямщик. — Нешто

можно за пустяки такую деньгу брать? В Сибири это не полагается. У нас сосед соседу помогает... А мы как есть с вами соседи — всего сто двадцать вёрст отсюда моя деревня,— так извольте получить сдачу...— И он вынул семь с чем-то рублей.

— А у нас,— ответил Владимир Ильич,— принято детишкам посылать подарки. У вас дети есть?

— Как же, конечно, есть — пятеро их у меня. Одни бегают, другие за мамкину юбку держатся, а махонький на руках ещё...

— Ну вот и отлично, зайдите к нам чайку попить, а я сейчас приду.

Надежда Константиновна пригласила ямщика в комнату.

Вскоре Владимир Ильич вернулся и принёс с собой всякой всячины: головной платок хозяйке, связку баранок, конфет-леденцов, ещё какие-то сладости и два букваря.

— Это вашему семейству, передайте жене и деткам с поклоном от меня,— сказал Владимир Ильич.— А это вот маленькому.— И он вытащил из кармана две раскрашенные деревянные куколки.— А это тем, кто постарше.— Он высыпал из другого кармана десятка два оловянных солдатиков.— И буквари — старшим.

Всё это Надежда Константиновна завернула, завязала в узелок и отдала ямщику.

— Благодарим покорно! А как звать-то вас?

— Владимир, а по отчеству Ильич.

Ямщик низко поклонился и вышел.

Почтовую квитанцию сейчас же сожгли в печке.

Спустя несколько месяцев Владимир Ильич получил известие, что «Бабушка» с удовольствием носит валенки «на одной подошве».

ЛЕНИНУ ГРОЗИТ ОПАСНОСТЬ

Однажды в 1905 году было назначено большое собрание нашей партийной Петербургской организации в одном из домов, находившихся в переулке между Фонтанкой и Мойкой. В условленный час мы отправились небольшой группой на собрание. У Александринского театра мы заметили подозрительных прохожих; они разгуливали с беззаботным видом. Нетрудно было догадаться, что это шпики. И мы поспешили разойтись в разные стороны.

Свернув в один из переулков, я лицом к лицу столкнулся с Марией Александровной Дубининой, нашим партийным товарищем.

Мария Александровна пристально посмотрела на меня и сделала чуть заметный предупреждающий знак. Я понял, что там, где должно быть собрание, неблагополучно.

«Где Владимир Ильич? — подумал я. — Может быть, он там, на месте явки? Может быть, он уже арестован?»

Ленин недавно приехал из эмиграции в Петербург. Жил он на нелегальном положении, часто меняя паспорта и квартиры.

Он был в самом центре партийной работы. В это время революционное движение охватило всю страну. Ленин виделся со множеством людей, постоянно бывал на партийных собраниях и ежедневно рисковал быть узнанным.

Не раз Ильич был на волосок от ареста.

Мария Александровна прошла мимо меня. Я пересек улицу и вошёл в первую попавшуюся лавочку купить какую-то мелочь. Выйдя из неё, я направился вслед за Марией Александровной. Она оглянулась и, увидев меня, тотчас же вошла во фруктовый магазин. Я последовал за ней.

— Что произошло?

— Засада...

— Он там? — спросил я Марию Александровну, когда продавец пошёл в дальний угол за яблоками, которые я попросил его взвесить.

— Нет.

— Надежда Константиновна?

— Нет.

Мы расплатились и вышли из лавки.

Что делать? Как предупредить Владимира Ильича? Надо было во что бы то ни стало перехватить его на пути к конспиративной квартире.

Вскоре мы встретили Надежду Константиновну. Она тоже не знала, где Владимир Ильич.

Мы продолжали ходить по переулкам вокруг места явки, встречали многих товарищей, предупреждали об опасности и рассылали их во все концы, надеясь, что кто-нибудь успеет встретить и предупредить Владимира Ильича.

На сердце было тревожно: «Неужели Владимир Ильич уже прошёл туда? Неужели он арестован?»

Исколесив все переулки, в сотый раз встретившись с Марией Александровной, мы пришли в отчаяние. Но, круто свернув в глухой переулок, мы вдруг увидели Владимира Ильича. Он не спеша шёл по переулку и посматривал по сторонам. Заметив нас, он на мгновение остановился. Я оглянулся — за ним никого не было. Тогда я сделал Владимиру Ильичу знак рукой и, проходя мимо него, буркнул:

— Поворачивайте назад! Засада! Следят!

Он и глазом не моргнул, прошёл немного дальше и скрылся во дворе. Я ещё раз оглянулся: всё было спокойно.

Вслед за Марией Александровной я вошёл в маленький писчебумажный магазинчик. Мария Александровна что-то покупала, медленно выбирая то одно, то другое, а я стоял у окна, наблюдая за улицей, и время от времени поторапливал её, чтобы моё присутствие в магазинчике не вызывало подозрения у продавщицы.

Через несколько минут я увидел, что Владимир Ильич вышел из ворот, оглянулся и быстро направился в ту сторону, откуда пришёл.

Я заторопил Марию Александровну. Она тотчас же расплатилась, и мы пошли за Владимиром Ильичём, издали наблюдая за ним. Когда мы увидели, что Владимир Ильич нанял извозчика и уехал, у нас отлегло от сердца. Мы повернули обратно, чтобы известить Надежду Константиновну и других товарищей, которые ещё ожидали Владимира Ильича. По нашим весёлым лицам товарищи без слов поняли, что Владимир Ильич предупреждён и что он вне опасности.

Теперь можно было уходить и всем остальным. Вокруг сновали шпики, они нахально заглядывали нам в лица. Надо было серьёзно заняться уничтожением «хвоста», чтобы не привести шпиков домой. Покрутив по переулкам, я, наконец, очутился на Невском проспекте и быстро замешался в толпе. Зайдя в книжный магазин О. Н. Поповой, я отсиделся в одной из отдалённых комнат, немного погодя вышел чёрным ходом во двор и оттуда благополучно пробрался в книжный магазин «Вперёд», одно из наших явочных мест. Здесь уже знали об опасности. Нам стало ясно, что в нашу организацию прокрались провокаторы, что наша конспирация нарушена и — что самое главное — Владимир Ильич в опасности.

— Это за ним приходили. Хотели его арестовать! — говорили мы между собой.

— Ему надо уехать из Питера! — твердили товарищи.

Мы стали настаивать, чтобы Владимир Ильич уехал на время из Петербурга.

И он вскоре перебрался в Финляндию, в местечко Куоккала, где для него была приготовлена квартира на вилле «Ваза». Здесь он писал статьи и брошюры. Отсюда, пренебрегая опасностью, приезжал в Петербург, выступал на рабочих собраниях.

МАМИН ПОДАРОК

Одно время, находясь в эмиграции, Владимир Ильич жил в Лозанне, на Женевском озере. Мне часто приходилось бывать у него по делам нашей партии. И вот однажды, когда Владимир Ильич собрался отправиться в двухнедельное путешествие по Швейцарии, я приехал к нему, чтобы переговорить о наших изданиях, а также условиться, куда пересылать ему самую экстренную почту и газеты. Владимир Ильич был чем-то очень доволен.

— Пойдёмте-ка,— сказал он мне,— я покажу вам, какой замечательный подарок прислала нам с Надей мама.

Мы спустились вниз, во дворик дома. Здесь стояли только что распакованные новенькие, прекрасные два велосипеда: один мужской, другой женский.

— Смотрите, какое великолепие! Это всё Надя наделала. Написала как-то маме, что я люблю ездить на велосипеде. Мама приняла это к сердцу и вместе со всеми нашими сколотила нужную сумму, а Марк Тимофеевич (это был Елизаров, муж Анны Ильиничны) заказал нам в Берлине два велосипеда. И вот вдруг — уведомление из Транспортного общества: куда прикажете доставить посылку? Я подумал, что вернулась какая-нибудь нелегальщина, литература, а может быть, кто-нибудь послал нам книги. Привозят — и вот вам нелегальщина!.. Смотрите, пожалуйста, какие чудесные велосипеды! — говорил Владимир Ильич, осматривая их, подкачивая шины и подтягивая гайки.— Ай да мамочка! Мы теперь с Надей сами себе господа. Поедем путешествовать не по железной дороге, а прямо на велосипедах. Дорожные мешки мы привяжем сзади, теперь незачем их таскать за плечами.

Надо было видеть, как радовался Владимир Ильич этому неожиданному подарку. И для всех нас было ясно, что больше всего радовался Владимир Ильич вниманию к нему и к Надежде Константиновне его матери и домашних. Это особенно было ему приятно.

МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА

Владимир Ильич очень любил свою мать. Мария Александровна прекрасно воспитала своих детей. Она безмерно их любила и гордилась тем, что её дети участвуют в борьбе за свободу. Она знала, что им трудно, что их окружают опасности, и была в постоянной тревоге за их судьбу. Её детей арестовывали, сажали в тюрьмы, высылали в далёкие ссылки. Ей, старой женщине, приходилось

часами просиживать в тюремных приёмных, ожидая свидания с сыном или дочерью. Мария Александровна стойко переносила все невзгоды, постоянно боролась с трудностями жизни.

В дни революции 1905 года Владимир Ильич нелегально приехал из Женевы в Россию. Но обстановка тех дней была такова, что даже в подполье оставаться было чрезвычайно опасно, и Владимир Ильич вскоре вынужден был снова уехать из Петербурга.

Мария Александровна, видевшая Владимира Ильича всего в течение нескольких дней, снова должна была расстаться с сыном.

В России началось ужасное время— царское правительство жестоко расправлялось с революционерами. Многих из них казнили, ссылали в ссылку, на каторжные работы. Тюрьмы были переполнены.

В это время было очень трудно не только вести революционную работу, но даже встречаться друг с другом. Но я всё-таки бывал у сестры Ленина Анны Ильиничны, у которой жила в то время Мария Александровна.

Мария Александровна всегда была приветлива, расспрашивала, нет ли каких сведений о Володе, не приехал ли кто, не было ли писем.

Все бывавшие у неё старались рассказать всё, что знали о Владимире Ильиче.

...Шли годы. Наступил 1914-й. Началась первая мировая война.

Война коснулась и семьи Марии Александровны: Мария Ильинична, сестра Владимира Ильича, была на фронте.

Как-то утром, часов в шесть, раздался телефонный звонок.

Подхожу.

— Вы можете ко мне прийти? — слышу я слабый, старческий голос.

«Кто это? — думаю.— Батюшки, да ведь это Мария Александровна!»

— Конечно, сейчас же, сию минуту! — А сам не решаюсь спросить, что случилось.

— Приходите поскорей! Пожалуйста, поскорей... Маня пропала...

— Да что вы? — И спешу сказать: — Нет, она жива-живёхонька. Я только вчера получил письмо от моей жены, она её встретила на фронте. Она в лазарете сестрой милосердия.

— Не может быть! — слышу повеселевший тихий голос.

— Верно. Уверяю вас...

— А вы меня не обманываете?

— Да нет же, Мария Александровна! И письмо привезу.

— Буду ждать... Поскорей, поскорей...

— Ну-ну, бегу...

И я побежал к Марии Александровне.

Звоню.

Она сама открывает мне дверь, похудевшая, взволнованная. Пятна яркого румянца на её осунувшемся лице выдают душевное волнение. Я читаю ей письмо моей жены Веры Михайловны. Мария Александровна успокаивается и задаёт мне ряд испытующих вопросов. Я показываю ей почтовый штемпель на конверте, и она вдруг добро-добро улыбается и ласково благодарит меня за принесённую ей весточку.

— А то я всю ночь не спала, всё о Мане думала. Не случилось ли с ней несчастья...

И она повела меня пить чай с тёплыми баранками.

Я рассказал ей всё, что знал о её дочери: о том, где она встретилась с моей женой, которая в то время работала врачом на фронте, в скольких верстах от фронта состоялась эта встреча, грозит ли Марии Ильиничне опасность, не может ли она попасть в плен.

Уходя, я твёрдо обещал Марии Александровне сообщать ей решительно все сведения, какие буду получать с фронта. Обещал также тотчас же написать моей жене, чтобы она сообщала всё, что будет знать о Марии Ильиничне.

И мы расстались.

* * *

И вот наступил день, когда не стало Марии Александровны. Она умерла от воспаления лёгких на руках своей другой дочери, Анны Ильиничны.

Кротко и тихо болела она.

— Я знаю, что более не встану... Силы покидают меня,— говорила она мне, когда я поил её с ложечки кофе.— Я всё думаю о моём Володе... Не пришлось мне его увидеть... Передайте ему мой привет, всю мою любовь!..— И слёзы навернулись у неё на глазах.

— Мамочка, не расстраивайтесь! — говорила ей Анна Ильинична, еле сдерживая рыдания.— Мы все с вами, и Володя с вами, и все любим вас...

Мария Александровна тихо угасала.

Через два дня её не стало.

Мы дали телеграмму Владимиру Ильичу и Марии Ильиничне на фронт, но к похоронам приехать они не смогли. Владимир Ильич был в эмиграции, Мария Ильинична — далеко, с лазаретом раненых. Телеграмма её отыскала только через неделю.

Хоронили мы Марию Александровну на Волковом кладбище, в Петрограде.

Война разметала в разные стороны многих из товарищей и друзей Ленина. Пришли на похороны Марии Александровны только те, кто был в это время в Петрограде.

Гроб мы несли на руках вдвоём с мужем Анны Ильиничны Марком Тимофеевичем Елизаровым. Могильный холм украсили живыми цветами, которые она так любила.

...Только после Февральской революции Владимир Ильич смог приехать из Швейцарии в Петроград.

Его торжественно встречали в Петрограде рабочие, матросы, солдаты.

На следующий день Владимир Ильич поехал на могилу матери.

Всегда сдержанный, всегда владевший собой, Владимир Ильич не проявлял никогда, особенно при посторонних, своих чувств.

Но мы все знали, как нежно и чутко относился он к своей матери, и понимали, что тропинка на Волковом кладбище к маленькому могильному холмику была одной из тяжёлых дорог для Владимира Ильича.

Окружённый сёстрами и друзьями, Владимир Ильич остановился у могилы, снял шапку и наклонил голову. Бледный, взволнованный стоял он, полный скорби.

— Мама моя, мама!..— тихо, чуть слышно произнёс он.

Безмолвно, низко-низко поклонился он дорогой могиле.

ПРИЕХАЛ ЛЕНИН

К концу марта 1917 года до нас стали доходить вести, что Владимир Ильич, который тогда был вынужден жить за границей, в Швейцарии, принимает самые энергичные меры, чтобы как можно скорее вернуться в Россию.

В Европе шла империалистическая война, границы между государствами были закрыты, пробраться через них вообще было не так-то просто, а Ленину в особенности. Мы знали, что правительства Франции и Англии — военных союзников царской России — боятся пропустить на родину такого опасного революционера, как Ленин. На содействие Временного правительства, которое образовалось после свержения царизма, конечно, нечего было

рассчитывать. Это правительство состояло из людей, которые служили буржуазии. Они не хотели и боялись приезда Ленина.

Мы, большевики, повсюду вели революционную работу. К этому времени силы наши возросли: многие и многие товарищи вернулись из тюрем и ссылки. Время было горячее, напряжённое, и все мы остро чувствовали, как нужен сейчас Владимир Ильич.

И вдруг приходит сообщение, что Владимир Ильич уже в Швеции, немного погодя—что он перебрался в Финляндию и, наконец, что вечером 3 апреля он будет в Петрограде.

Мы узнали об этом поздно, а день был нерабочий. Газеты не выходили, заводы и фабрики не работали, почта — тоже. Но Петроградский комитет партии большевиков сумел дать знать рабочим, солдатам и матросам Питера и Кронштадта о приезде Владимира Ильича.

Часам к семи вечера мы собрались у здания Петроградского комитета и, развернув красное знамя, двинулись к Финляндскому вокзалу. Чем ближе мы подходили к вокзалу, тем больше встречалось нам рабочих. Они тоже шли встречать Ленина.

Народу становилось всё больше. Чётким шагом шли армейские части. Гремели оркестры, лились революционные песни.

У Финляндского вокзала вся площадь и все прилегающие к ней улицы были уже заполнены тысячами рабочих и солдат. Они пришли приветствовать Ленина, а если надо, то и защищать его от врагов революции.

Подъехали мощные броневики. Начало темнеть. До прихода поезда оставалось совсем немного. В это время на набережной показались колонны кронштадтских матросов в полном вооружении.

Получив известие, что в Петроград прибывает Ленин, моряки пробили сигнал «боевой тревоги», и через несколько минут все матросы Кронштадта были в сборе. Они тотчас же организовали отряды для несения почётного караула на Финляндском вокзале и для охраны Владимира Ильича.

Финский залив ещё не очистился ото льда, и матросы отправили своих представителей на ледоколе. Они получили приказ прибыть на вокзал вовремя, не опоздать. Времени оставалось мало. Ледокол на всех парах шёл в Петроград. Затем кронштадтцы пересели на быстроходные катера. У Литейного моста катера пришвартовались.

Кронштадтцы пришли на вокзал и стали в почётный караул. До прихода поезда оставалось ещё двадцать минут.

— Передайте Владимиру Ильичу,— обратился ко мне один из моряков,— что матросы просят товарища Ленина сказать им несколько слов.

Последние минуты ожидания тянулись долго. И вот наконец в туманной дали показались огни паровоза. Змейкой мелькнул на повороте освещённый поезд. Ближе, ближе...

Все бросились к вагонам. Из пятого от паровоза вагона вышел Владимир Ильич, за ним Надежда Константиновна, ещё и ещё товарищи...

— Смир-но!!!—пронеслась команда почётному караулу, воинским частям, вооружённым рабочим отрядам на вокзале, на площади.

Оркестры заиграли «встречу», и войска взяли «на караул».

Мгновенно смолкли голоса, только оркестры продолжали играть. И вдруг толпа сразу заколыхалась и грянуло такое мощное, такое сердечное «ура», какого я никогда не слыхивал...

Владимир Ильич радостно поздоровался с нами и двинулся было вперёд своей торопливой походкой, но в это время

ОЙ ВОЙНУ!

опять грянуло «ура». Владимир Ильич приостановился и, немного растерявшись, спросил:

— Что это?

— Это революционные войска и рабочие приветствуют вас,— ответил ему кто-то.

Взволнованный шёл Владимир Ильич по фронту почётного караула. Мы подошли к матросам. Я сказал Ильичу, что матросы хотят услышать его. Владимир Ильич остановился и со словами приветствия обратился к матросам.

Когда Владимир Ильич вышел на подъезд вокзала, вновь грянуло «ура». Звуки оркестра, революционные песни, приветственные возгласы — всё слилось в могучий рокот, величественный, как рокот океанской волны.

Лучи прожекторов скользнули по небу. Этот беспокойный, перебегающий, трепещущий свет создавал какое-то особенно праздничное настроение.

Владимир Ильич поднялся на броневик. Сдержанный гул прокатился по площади, и как-то сразу тысячная толпа умолкла. Наступила тишина.

Владимир Ильич помолчал несколько секунд и начал говорить.

После долгих лет изгнания это была его первая речь перед народом. Он призывал рабочих, солдат и матросов к борьбе за власть.

Он закончил речь словами:

— Да здравствует социалистическая революция!

ИЛЬИЧ НА ОТДЫХЕ

Летом 1917 года Владимир Ильич почувствовал себя очень утомлённым. Он лишился сна, побледнел, у него появились сильные головные боли. Все мы видели, как плохо чувствует себя Владимир Ильич, и настаивали, чтобы он отдохнул.

Как раз в это время я собирался на станцию Мустамяки, к своей семье, которая жила там на даче. Владимир Ильич несколько раз обещал к нам приехать, но всё дела не пускали. Уезжая, я ещё раз напомнил Владимиру Ильичу, Надежде Константиновне и Марии Ильиничне, что комнаты для них приготовлены, хотя и не надеялся, что Владимир Ильич вырвется из петроградского пекла.

И вдруг на следующий день, часов в пять вечера, смотрю и не верю глазам своим: шествует к нам Демьян Бедный, загораживая своей широкой спиной остальных, а за ним Владимир Ильич с маленьким чемоданчиком в руках и Мария Ильинична. Всё-таки Владимир Ильич решил приехать отдохнуть.

С вокзала он, соблюдая конспирацию, не пошёл прямо к нам, а поехал на извозчике к Демьяну Бедному, и уже оттуда, когда уехал извозчик, они пешком отправились к нам за полторы версты.

...Наступил вечер, и все мы собрались на балконе. Стояла изумительная тишина. Ветер чуть колышет нежную дымку вечернего тумана. Яркий закат позолотил и разукрасил дали. Безбрежное озеро отливает сталью. Робко, а потом всё смелей, всё голосистей стали перекликаться ночные птицы. Где-то совсем близко беззвучно проносились летучие мыши, изредка шарахаясь при резком крике совы.

Владимир Ильич, опершись о спинку кресла, задумался. Молчали и все мы. Было тихо-тихо...

— Как хорошо! — чуть слышно сказал Владимир Ильич.

Он встал и тихонько направился к себе. Моя жена Вера Михайловна, зная, что Владимира Ильича мучит бессонница, попросила его выпить снотворное, заранее приготовленное в рюмочке зеленоватое лекарство. Владимир Ильич покорно выпил и медленно поднялся наверх.

— Лишь бы уснул! — сказала Вера Михайловна.

Все мы, оставшиеся внизу, говорили шёпотом, ходили на цыпочках, боясь нарушить тишину прекрасного июньского вечера. Утром мы узнали, что Владимир Ильич в самом деле уснул. Встал Ильич бодрым.

С каждым днём он всё лучше и лучше себя чувствовал. Нередко он с Марией Ильиничной, а иногда и со всей нашей компанией ходил гулять к озеру, на берегу которого он любил посидеть. Несколько раз я ходил с ним купаться.

Владимир Ильич был замечательный пловец. Уплывёт, бывало, далеко-далеко в огромное озеро и там ляжет на воду и качается на волнах.

Я предупреждал Владимира Ильича, что в озере есть холодные течения, что оно вулканического происхождения и поэтому очень глубокое, что в нём есть водовороты и омуты, что в нём много тонет людей и что, одним словом, надо быть осторожным и не заплывать далеко.

Куда там!

— Тонут, говорите, тонут?..— переспросит, бывало, Владимир Ильич.

— Да, тонут. Вот ещё недавно...

— Ну, мы не потонем...

— Холодные течения, говорите? Это неприятно... Ну ничего, мы на солнышке погреемся...

— Глубоко?

— Чего уж глубже!

— Надо попробовать достать дно.

Я понял, что лучше ничего этого ему не рассказывать.

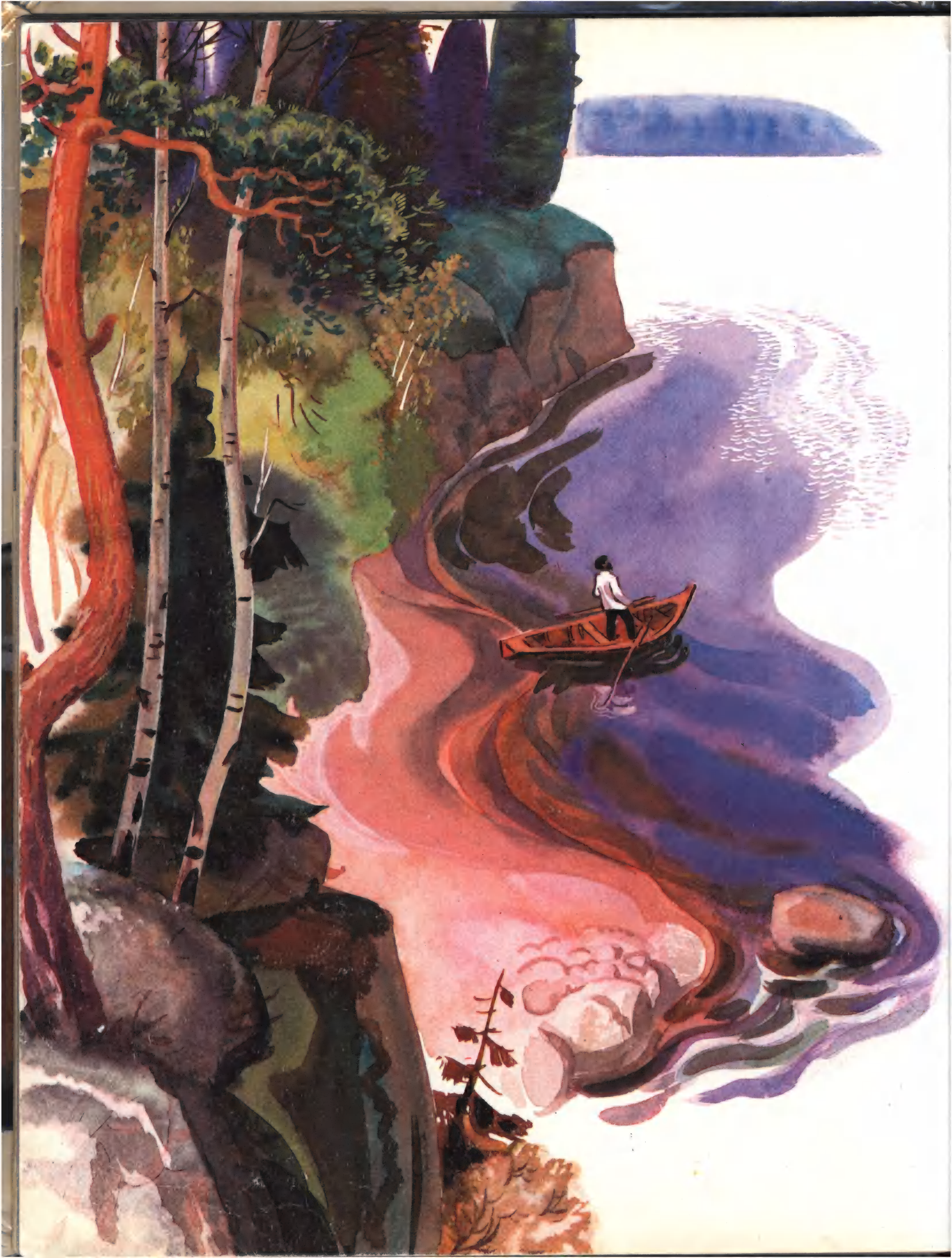
Он, как настоящий спортсмен, только всё более распалялся от этих рассказов.

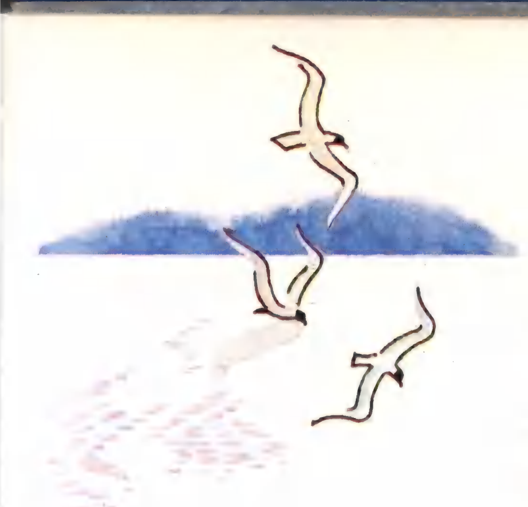
Не успеешь оглянуться, как он уже бежит по отлогому дну озера, потом вдруг нырнёт — и пропал... И нет, и нет его... Какие только мысли в эти тягостные минуты не приходят в голову!

И вдруг неожиданно вынырнет далеко-далеко, перевернётся на спину или покажется из воды по пояс, приглаживая обеими руками волосы. Потом оботрёт лицо и громко кричит мне:

— Что же вы? Здесь прекрасно! Очень хорошо!

И вдруг опять нет его. Ждёшь, ждёшь... Нет и нет! И снова появляется, ещё дальше, голова чуть виднеется. Лёг на спину, отдыхает, потом перевернулся и поплыл сажёнками, да какими! Летит, что твой катер. И опять скрылся вдали...

Вот, видимо, решил плыть к берегу. Быстро перевернулся на спину и полным ходом пошёл вперёд. Кисти рук так и мелькают. Всё ближе и ближе, кажется, совсем уже вот должен выйти... Но никак не может отказать себе в удовольствии: вот опять кувыркнулся и пропал, выскочил — и опять...

«Когда же он выйдет на берег?» — тревожусь я.

И вот появился из воды и давай около берега нагонять волну на волну. И побежал по низкой воде к берегу...

— Наконец-то!

Доволен очень. Хвалит озеро. Хвалит разную температуру воды. Рассказывает, как попал в холод — словно обожгло, а потом — на солнышко.

Боялся я за Владимира Ильича. Ведь в самом деле озеро опасное! Финские рыбаки, здесь родившиеся, и те боятся заплывать далеко от берега.

Что тут делать?

Решил я втайне от Владимира Ильича завести невдалеке от места купания лодку. Грёб я хорошо и в былое время на гонках ходил первым. В тот же день я пошёл нанимать лодку. Меня встречают и спрашивают:

— Кто это с вами вчера купался?.. Ну и пловец!

— Это моряк Балтийского флота, родственник мой,— вру я беззастенчиво, ради конспирации.— Приехал отдохнуть — да вот увидел родную стихию и, как утка, сейчас же в воду...

— Сразу видно, что моряк. Вот плавает так плавает!..

И по нашим местам разнеслась молва о прекрасном пловце — офицере Балтийского флота.

ОБЩЕСТВО ЧИСТЫХ ТАРЕЛОК

Все расселись вокруг стола на террасе. За столом было трое детей: две девочки и мальчик. Они подвязали салфетки и тихо сидели, ожидая, когда им подадут суп. Владимир Ильич посматривал на них и тихонько разговаривал. Вот подали суп. Дети ели плохо, почти весь суп остался в тарелках. Владимир Ильич посмотрел неодобрительно, но ничего не сказал. Подали второе. Та же история: опять почти всё осталось на тарелках.

— А вы состоите членами общества чистых тарелок? — вдруг громко спросил Владимир Ильич, обращаясь к девочке Наде, которая сидела рядом с ним.

— Нет,— тихонько ответила Надя и растерянно посмотрела на других детей.

— А ты? А ты? — обратился он к мальчику и девочке.

— Нет, мы не состоим,— ответили дети.

— Как же это вы? Почему так запоздали?

— Мы не знали, мы ничего не знали об этом обществе! — торопясь говорили дети.

— Напрасно. Это очень жаль! Оно давно уж существует.

— А мы не знали!..— разочарованно сказала Надя.

— Впрочем, вы не годитесь для этого общества. Вас всё равно не примут,— серьёзно сказал Владимир Ильич.

— Почему? Почему не примут? — наперебой спрашивали дети.

— Как «почему»? А какие у вас тарелки? Посмотрите! Как же вас могут принять, когда вы на тарелках всё оставляете?

— Мы сейчас доедим! — И дети стали доедать всё, что у них осталось на тарелках.

— Ну, разве что вы исправитесь, тогда попробовать можно. Там и значки выдают тем, у кого тарелки всегда чистые,— продолжал Владимир Ильич.

— И значки!.. А какие значки? — расспрашивали дети.— Как же поступить туда?

— Надо подать заявление.

— А кому?

— Мне.

Дети попросили разрешения встать из-за стола и побежали писать заявление.

Через некоторое время они вернулись на террасу и торжественно вручили бумагу Владимиру Ильичу.

Владимир Ильич прочёл, поправил три ошибки и надписал в углу: «Надо принять».

В ПЕРВЫЕ ДНИ ОКТЯБРЯ

Первые дни Октябрьской революции. Петроград в волнении. Все чего-то ждут. Смольный кипит народом...

Здесь, в Смольном, расположился главный штаб большевиков: Военно-революционный комитет. Тут же находился и Владимир Ильич. Он приветливо здоровался с приходящими, расспрашивал их обо всех событиях дня и больше всего — о том, что делается там, у Зимнего дворца и на подступах к нему.

Весть о том, что Владимир Ильич в Смольном, быстро разнеслась среди большевиков. Многие хотели его видеть

и приходили сюда. В комнату стали заглядывать и посторонние. Особенно в неё стремились попасть корреспонденты различных газет, в том числе и иностранных. Они, очевидно, заметили, что именно сюда идёт много народу, что здесь действует руководящий центр восстания.

Необходимо было ввести надёжную охрану.

В одной из комнат Смольного расположилось более пятисот вооружённых рабочих. Это были красногвардейцы. Для охраны решено было отобрать из них человек семьдесят пять.

Молодой, лет тридцати, красавец рабочий, с вьющимися из-под шапки кудрями, спокойно отдаёт чёткую команду:

— Стройся!

Мгновенно все на местах. Тишина: ни шороха, ни звука. У дверей замерли часовые. Командир сообщает, что нужно семьдесят пять человек, готовых на всё, даже на смерть.

Весь отряд сделал шаг вперёд и замер. Командир отобрал людей, назначил начальника и двух человек на смену ему.

— В случае чего...— хмуро заметил он и умолк.

Сейчас же заготовили пропуска. Пропуск № 1 выдали Владимиру Ильичу.

— Что это? Пропуск? Зачем? — спросил Владимир Ильич.

— Необходимо. На всякий случай... Уже создана охрана Смольного. Прошу взглянуть...

Владимир Ильич выглянул в дверь и увидел отряд, стоявший в безукоризненном военном строю.

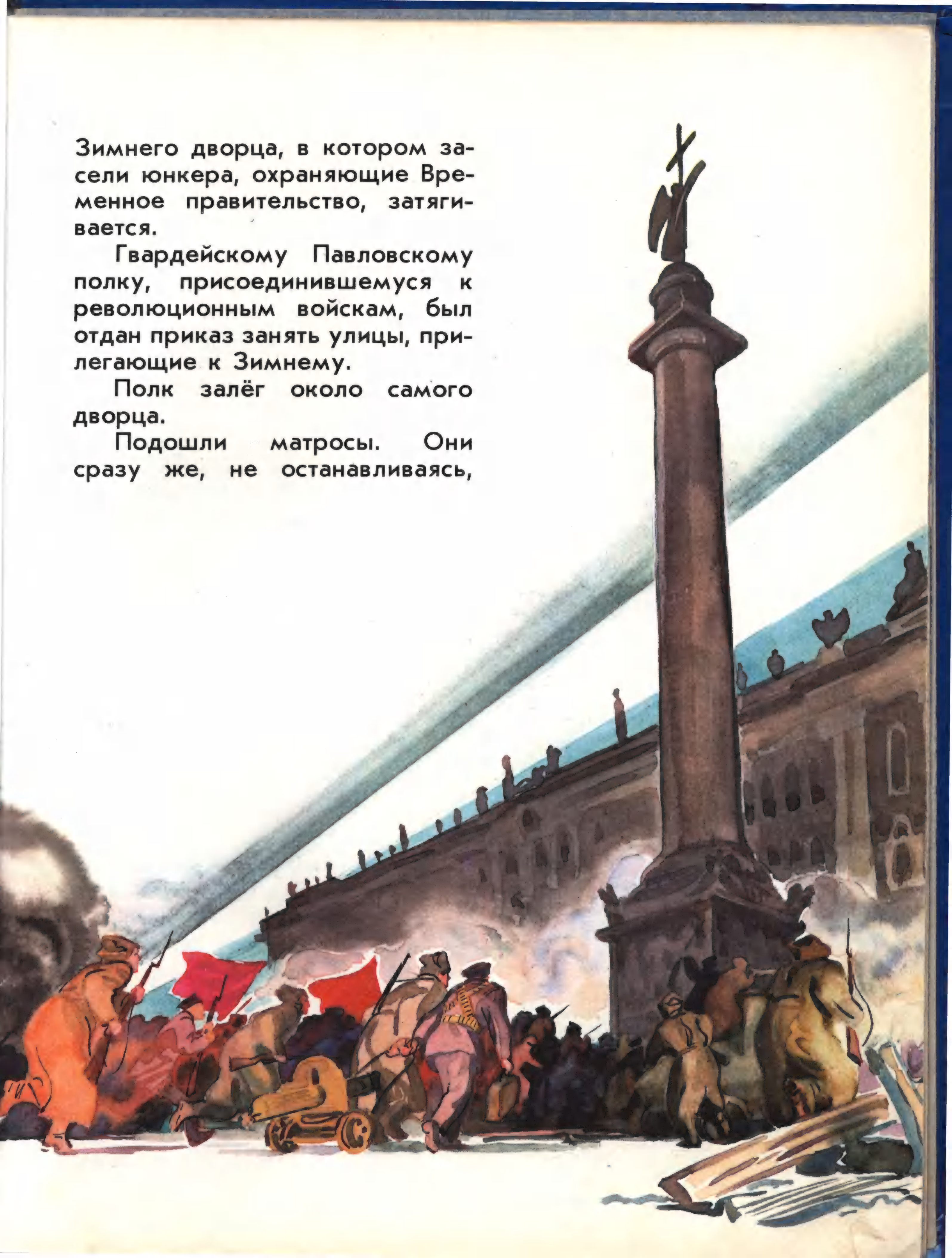
— Какие молодцы! Приятно смотреть! — восхищённо сказал он.

Часовые стали у входной двери снаружи и внутри комнаты. Начальник сейчас же установил связь с центральным отрядом.

Народ всё прибывал и прибывал.

...Владимир Ильич был очень взволнован тем, что осада

Зимнего дворца, в котором засели юнкера, охраняющие Временное правительство, затягивается.

Гвардейскому Павловскому полку, присоединившемуся к революционным войскам, был отдан приказ занять улицы, прилегающие к Зимнему.

Полк залёг около самого дворца.

Подошли матросы. Они сразу же, не останавливаясь,

быстрыми перебежками пересекли Дворцовую площадь и заняли подступы к Зимнему. Начался штурм. Он продолжался несколько часов.

Увлекая за собой солдат Павловского полка и красногвардейцев, матросы сильным ударом раскрыли огромные двери дворца и ворвались во внутренние помещения.

На Неве пришвартовался крейсер «Аврора». Ему дано было распоряжение повернуть орудия на дворец. Такое же приказание получила и Петропавловская крепость.

Пушки «Авроры» и Петропавловской крепости возвестили о начале штурма.

Красногвардейцы, матросы и солдаты заняли главнейшие пункты Зимнего — лестницы, ходы и выходы. В эту ночь, с 25 на 26 октября, Зимний дворец был взят революционными войсками. Временное правительство было арестовано и отправлено под караулом в Петропавловскую крепость. Керенский, переодевшись в женское платье, тайным ходом вышел из Зимнего дворца и бежал в автомобиле американского посольства.

* * *

Скорым военным шагом по коридору торопится солдат-самокатчик, одетый в чёрную кожаную куртку и такие же шаровары. Через плечо у него дорожная сумка, которую он придерживает левой рукой.

— Где штаб Военно-революционного комитета? — обращается он к двум красногвардейцам, стоящим на часах у дверей.

— А тебе кого?

— Ленина! Донесение!

Часовой оборачивается и говорит товарищу:

— Так что требуется разводящий... Прибыл курьер. Без пропуска... В штаб... Требует Ленина...

Вышел разводящий. Спросил, откуда и от кого курьер.

— Из Зимнего дворца... От главнокомандующего Подвойского.

— Идём...

— Донесение! — говорит самокатчик, входя в дверь соседней комнаты.— Требуется Ленин.

Владимир Ильич подходит:

— Что скажете, товарищ?

— Вы и есть Ленин?

Самокатчик с любопытством смотрит на Ленина; глаза его радостно поблёскивают. Он быстро отстёгивает клапан у сумки, достаёт листок бумаги, бережно подаёт его Владимиру Ильичу, берёт под козырёк и кратко рапортует:

— Донесение!

— Благодарю, товарищ,— говорит Владимир Ильич и протягивает ему руку.

Тот смущён и жмёт руку Владимира Ильича обеими руками. Улыбается, снова берёт под козырёк, резко, по-военному поворачивается кругом и бодрым шагом уходит.

На ходу он кладёт в сумку листок бумаги, на котором расписался Владимир Ильич.

— «Зимний дворец взят, Временное правительство арестовано, Керенский бежал!» — вслух быстро читает Владимир Ильич донесение.

И только дочитал, как раздалось «ура», мощно подхваченное красногвардейцами в соседней комнате.

— Ура! — неслось повсюду.

* * *

Часа в четыре ночи мы, утомлённые, но возбуждённые, стали расходиться из Смольного. Я предложил Владимиру Ильичу поехать ко мне ночевать. Заранее позвонив в Рождественский район, я поручил боевой дружине проверить разведкой улицы.

Мы вышли из Смольного. Город был не освещён. Мы сели в автомобиль и поехали ко мне домой.

Владимир Ильич, видимо, очень устал и подрёмывал в автомобиле. Поужинали кое-чем. Я постарался предоставить всё для отдыха Владимира Ильича. Еле удалось уговорить его занять мою кровать в отдельной небольшой комнате, где к его услугам были письменный стол, бумага, чернила и библиотека. Владимир Ильич согласился, и мы разошлись.

Я лёг в соседней комнате на диване и решил заснуть только тогда, когда вполне удостоверюсь, что Владимир Ильич уже спит.

Для большей безопасности я запер входные двери на все цепочки, крючки и замки, привёл в боевую готовность револьверы, думая, что ведь могут вломиться, арестовать, убить Владимира Ильича — всего можно ожидать!

На всякий случай тотчас же записал на отдельную бумажку все известные мне телефоны товарищей, Смольного, районных рабочих комитетов и профсоюзов. «Чтобы впопыхах не перезабыть»,— подумал я.

Владимир Ильич у себя в комнате погасил уже электричество. Прислушиваюсь: спит ли? Ничего не слышно. Начинаю дремать, и, когда вот-вот должен был заснуть, вдруг блеснул свет у Владимира Ильича.

Я насторожился. Слышу, как почти бесшумно встал он с кровати, тихонько приоткрыл дверь ко мне и, убедившись, что я «сплю», тихими шагами, на цыпочках, чтобы никого не разбудить, подошёл к письменному столу. Сел

за стол, открыл чернильницу и углубился в работу, разложив какие-то бумаги. Всё это мне видно было в приоткрытую дверь.

Владимир Ильич писал, перечёркивал, читал, делал выписки, опять писал и наконец, видимо, стал переписывать начисто.

Уже светало, стало сереть позднее петроградское осеннее утро, когда Владимир Ильич потушил огонь, лёг в постель и заснул. Забылся и я.

Утром я просил всех домашних соблюдать тишину, объяснив, что Владимир Ильич работал всю ночь и, несомненно, крайне утомлён.

Вдруг открылась дверь, и он вышел из комнаты, одетый, энергичный, свежий, бодрый, радостный, шутливый.

— С первым днём социалистической революции! — поздравил он всех.

На его лице не было заметно никакой усталости, как будто он великолепно выспался, а на самом деле спал самое большее два-три часа после напряжённого двадцатичасового трудового дня.

Подошли товарищи. Когда собрались все пить чай и вышла Надежда Константиновна, ночевавшая у нас, Владимир Ильич вынул из кармана переписанные листки и прочёл нам свой знаменитый Декрет о земле, над которым он работал в эти решающие дни.

Вскоре мы двинулись в Смольный пешком, а потом сели в трамвай. Владимир Ильич сиял, видя образцовый порядок на улицах.

Вечером, на Втором Всероссийском съезде Советов, после принятия Декрета о мире Владимир Ильич с особой чёткостью вслух прочёл Декрет о земле, с восторгом, единогласно принятый съездом.

СОЛДАТСКИЙ ХЛЕБ

Партия большевиков, взяв власть в свои руки, занялась самыми неотложными делами. Надо было дать народу мир, прекратить войну с Германией, начатую царём. Надо было дать крестьянам землю, отобрать её у помещиков. Надо было наладить положение с продовольствием, а положение это к 1917 году стало трагическим: люди в городах голодали. Необходимы были срочные меры, и правительство приняло их.

Были немедленно отобраны у капиталистов эшелоны с мукой и зерном, которые стояли на железнодорожных путях в Петрограде. Большие запасы муки были обнаружены в городе у крупных мукомолов и владельцев булочных.

Благодаря этим мерам нам стали выдавать по карточкам фунт хлеба в день. Но подвоза из провинции всё ещё не было, и вскоре снова пришлось экономить, уменьшать паёк. Так в Петрограде мы дошли до восьмушки хлеба. И вот наступил печальный день, когда комендант Смольного, где находилось тогда Советское правительство, товарищ Мальков сообщил мне, что у нас все запасы кончились, даже восьмушку хлеба нельзя выдать.

Я заторопился в Управление делами Совета Народных Комиссаров. Туда должны были прийти телеграммы о том, когда Петроград сможет получить хлеб из провинции.

Было около семи часов утра. Немного спустя в Управление делами пришёл демобилизованный солдат. В то время уже был заключён мир с Германией, и солдаты часто заходили к нам

перед отъездом домой. Мы снабжали их отпечатанным в виде книжечки Декретом о земле, принятым Советской властью.

Я просматривал почту и попросил солдата обождать меня. Он стоял за барьером, отделявшим большую комнату Управления делами от приёмной, и с любопытством всё рассматривал. В это время ко мне подошла наша буфетчица Маня.

— Как же быть, Владимир Дмитриевич? Ведь у нас ничего нет: ни куска сахара, ни ломтя хлеба, только что и есть чай да соль...— И она показала поднос, на котором стояли два стакана чаю и блюдечко с солью.— Как же я понесу это Владимиру Ильичу? Ведь он голодный! — говорила она чуть не плача.

Солдат прислушивался к нашему разговору.

— Ну уж нет! — вдруг громко сказал он.— Кого-кого, а Владимира Ильича мы прокормим!

И он поворотом плеча скинул со спины солдатский мешок, вынул из-за голенища складной нож, быстро раскрыл его, развязал мешок, достал круглую буханку хлеба, прижал её к груди и одним взмахом разрезал пополам. Половину буханки он сунул обратно в мешок, а другую, подойдя чётким, солдатским шагом к Мане, положил на поднос, проговорив:

— Вот этот хлебушек — Владимиру Ильичу.

— Спасибо тебе, солдатик! — обрадовалась Маня и тотчас же пошла в кабинет Владимира Ильича.

Через несколько минут Владимир Ильич отворил дверь своего кабинета и громко, на всю комнату, сказал, обращаясь к солдату:

— Спасибо вам, дорогой товарищ! Такого вкусного солдатского хлеба я никогда ещё не ел...

— Это он? Сам Владимир Ильич?.. Ну и ну!..— растерянно произнёс солдат.— Вот какой он есть, Ленин... Ласковый... За такую безделицу, а как сердечно благодарит!.. Наш он, Владимир Ильич-то!

СОВЕТСКИЙ ГЕРБ

Всё создавалось заново в нашей стране. И государственный герб тоже нужен был новый, какого ещё никогда не существовало в истории народов,— герб первого в мире государства рабочих и крестьян.

В начале 1918 года мне принесли рисунок герба, и я тотчас же понёс его Владимиру Ильичу.

Владимир Ильич в это время был у себя в кабинете и беседовал с Яковом Михайловичем Свердловым, Феликсом Эдмундовичем Дзержинским и ещё целой группой товарищей. Я положил рисунок на стол перед Лениным.

— Что это — герб?.. Интересно посмотреть! — И он, наклонясь над столом, принялся разглядывать рисунок.

Все окружили Владимира Ильича и вместе с ним разглядывали проект герба.

На красном фоне сияли лучи восходящего солнца, обрамлённые снопами пшеницы; внутри перекрещивались серп и молот, а из перевязи снопов вверх, к солнечным лучам, был направлен меч.

— Интересно! — сказал Владимир Ильич.— Идея есть, но зачем же меч? — И он посмотрел на всех нас.— Мы бьёмся, мы воюем и будем воевать, пока не закрепим диктатуру пролетариата и пока не выгоним из нашей страны и белогвардейцев и интервентов. Но насилие не может главенствовать у нас. Завоевательная политика нам чужда. Мы не нападаем, а отбиваемся от врагов, война наша оборонительная, и меч — не наша эмблема. Мы должны крепко держать его в руках, чтобы защищать наше пролетарское государство до тех пор, пока у нас есть враги, пока на нас нападают, пока нам угрожают, но это не значит, что так будет всегда. Когда будет провозглашено братство народов во всём мире, меч нам не будет нужен. Из герба нашего социалистического государства мы должны удалить меч...— И Владимир Ильич тонко очиненным карандашом перечеркнул меч на рисунке.— А в остальном герб хорош. Давайте утвердим проект, а потом посмотрим и ещё раз обсудим в Совнаркоме. Надо это сделать поскорей...

И он поставил на рисунке свою подпись.

Художник, который внимательно выслушал всё, что говорил Ленин, обещал скоро принести новый эскиз герба.

Через некоторое время, когда художник пришёл в другой раз, у Владимира Ильича в кабинете сидел скульптор Андреев.

Ленин работал, принимал посетителей, а скульптор тихонько сидел на диване и делал в альбоме зарисовки. Он готовился лепить портрет Ильича.

Стали смотреть новый рисунок. Меча на рисунке уже не было, и герб был увенчан звездой.

Андреев смотрел вместе со всеми.

— Ну, как по-вашему? — обратился к нему Владимир Ильич.

— Очень хорошо, только ещё кое-что...

Взяв карандаш, Андреев, с разрешения художника, тут же на столе перерисовал герб. Он сгустил снопы, усилил сверкающие лучи солнца, сделал как-то всё выразительнее. Звезда приняла строгую пятиконечную форму, и лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» стал читаться более чётко.

Этот проект герба Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, исполненный по замечаниям Владимира Ильича, и был утверждён в 1918 году.

Он был понятен всем трудящимся, которые защищали от врагов свою родную Советскую власть.

Пятиконечная звезда, которая сияет на вершине герба, стала эмблемой нашей армии — красноармейской звёздочкой.

Теперь наше государство стало могучим Союзом Советских Социалистических Республик. В гербе Советского Союза тоже есть серп и молот и золотые снопы в лучах восходящего солнца.

И в каждой республике есть свой герб. Солнце на гербах республик восходит из-за снежных горных вершин и из-за безбрежного моря. На каждом гербе лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и эмблема первого в мире государства трудящихся — серп и молот.

В КРЕМЛЕ

Быстрые, чёткие шаги гулко отдаются по ещё пустому коридору. Это Владимир Ильич рано утром спешит из своей квартиры в Совнарком. Часовой, дежурящий у дверей его кабинета, завидев Владимира Ильича, подтягивается и с гордой радостью отдаёт ему честь.

— Здравствуйте, товарищ! — приветливо здоровается Владимир Ильич.

— Здравствуйте, Владимир Ильич! — звучно отвечает бравый красноармеец из кремлёвской школы командиров.

Как только закрывалась дверь кабинета Владимира Ильича, этой простой светлой комнаты, там начиналась работа, требующая огромного напряжения. Владимир Ильич любил во всём строгий порядок. Взглянув на стол, где лежала уже утренняя почта и отдельно — телеграммы

с фронтов, Владимир Ильич брал именно эту пачку и быстро прочитывал телеграммы, так быстро, что, казалось, не было никакой возможности понять, что там написано. А он всё уже знал наизусть и после цитировал на память, слово в слово. Причём всегда с поразительной точностью в цифрах, как будто он долго изучал их перед этим. Если время отправки и прибытия телеграммы, то обязательно часы и минуты и, конечно, все цифры вёрст, маршей, продвижений поездов, число красноармейцев, количество пушек, ружей, вагонов и паровозов.

Если бы не видеть десятки и сотни раз это чтение документов, то, право, и поверить невозможно было бы. Надо было обладать удивительной памятью, мгновенностью восприятия, чтобы вмещать всё то, что вмещал в свой всеобъемлющий мозг этот воистину гениальный человек.

Просмотрел телеграммы — и сейчас же к карте: к одной, к другой, к третьей... Всюду развешаны карты, и всюду его собственной рукой отмечены фронты. Враг наступал на нашу молодую социалистическую республику. Врагов было много: и белогвардейцы, и интервенты.

Владимир Ильич отмечает, что произошло за день, как, судя по полученным последним донесениям, изменилось положение на фронтах. Всё изучил, разметил, прошёл к столу и быстро-быстро стал писать телеграмму за телеграммой. Затрещали телефонные звонки, полились телефонные разговоры, вызовы по прямому проводу во все стороны — и на север, и на юг, и на восток, и на запад. И загудело всё, и заработало!..

И так каждый день, из недели в неделю, из месяца в месяц. Всё новые и новые дела, одно сложнее другого. И тут же работает над новыми книгами, пишет брошюры, статьи и листовки.

И всегда спокоен, выдержан, краток, подвижен и бодр. В нём был поистине неиссякаемый источник сил, вдохновения, творчества, энергии и воли.

НА ЁЛКЕ В ШКОЛЕ

— Хотите, Владимир Дмитриевич, участвовать в детском празднике? — спросил меня Владимир Ильич.

— Хочу, — говорю.

— Ну так вот, доставайте где хотите пряников, конфет, хлеба, хлопушек, игрушек, и поедем завтра к вечеру в школу Надю навестить. Устроим детишкам праздник, а на расходы вот вам деньги.

Девятнадцатый год был трудным, голодным и холодным. Шла гражданская война, всё, что могло, правительство отправляло на фронт. В городах продуктов было

мало. Кое-как купили мы в складчину всё, что нашли для детишек, и отправили в школу, чтобы детвора вместе с учительницами приготовила ёлку.

На следующий день, как и было условлено, Владимир Ильич приехал в школу. В этой школе, в Сокольниках, тогда отдыхала Надежда Константиновна. Владимира Ильича уже ждали, и, когда он вместе с Надеждой Константиновной и Марией Ильиничной сошёл вниз, в комнату, где была устроена ёлка, детишки сразу окружили его.

— Во что мы будем играть? — спросила Владимира Ильича маленькая девочка.— Давайте скорее!.. Ну, во что же?

— Сейчас давайте водить хоровод вокруг ёлки,— предложил Владимир Ильич.— Петь будем, а потом в кошки-мышки...

— Согласны, согласны! — хлопая в ладоши, закричала девочка, и все другие хором за ней.

— Согласны? Ну так что же, за чем дело стало?.. Давай руку!.. Ну, живей, присоединяйтесь!

И мигом образовался большой круг детей и взрослых. Владимир Ильич пошёл вокруг ёлки, и все за ним.

— Ну, запевай! Что ж ты?..— обратился Владимир

Ильич к той девочке, которая предложила играть, и та запела.

Все подхватили песню про ёлку и закружились вокруг неё. Владимир Ильич пел во весь голос.

В это время ёлка вдруг вспыхнула разноцветными огнями. Это монтёр школы устроил. Он раздобыл маленькие электрические лампочки и накануне, поздно вечером, когда все спали, провёл искусно шнур и вплёл лампочки в ветви ёлки. Ликованию и радости детей не было конца.

Владимир Ильич от всей души веселился вместе с ними.

Дети забрасывали его вопросами, и он каждому успевал ответить. Он и сам задавал им вопросы, загадывал загадки, и только приходилось удивляться, откуда это он всё знает, всё помнит. Дружный смех и шутки звучали вокруг ёлки.

— Ну, а теперь в кошки-мышки!.. Что же вы? Забыли? — подзадоривал детишек Владимир Ильич.

И снова образовался круг, и снова Владимир Ильич среди детей... Играет он с увлечением, не пропуская кота, защищая мышь. Ребята в восторге.

После игры завязалась беседа. Дети говорили с ним просто,

и не чувствовалось никакого стеснения. Он уже был для них своим человеком. Они отбили его от взрослых, потащили с собой пить чай и наперебой угощали, накладывали ему варенья и решительно все хотели что-нибудь для него сделать. А он колол для них грецкие орехи,

наливал в блюдечки чай из горячих стаканов, подкладывал сладостей и ласково следил за всеми, точно все они были его семьёй.

Владимир Ильич очень любил детей, и детишки это чувствовали. Он быстро узнал их имена, и надо было удивляться, как он только не путал их. С детьми ничего нельзя было поделать, они совсем завладели Владимиром Ильичём.

После чая дети повели его в другие комнаты, заявив, что у них там есть секрет. Дети привели его в живой уголок, показали галку с подбитым крылом, воробья, потерявшего полхвоста в битве с кошкой, ужа, маленького ёжика и лягушку. Потом принесли рисунки, свой журнал.

Владимир Ильич углубился в их дела, да так, как будто бы он всю жизнь только и делал, что занимался со школьниками. Наконец детям роздали подарки, и мы должны были уезжать. Провожая нас, они просили приезжать к ним ещё и ещё. Владимир Ильич тепло простился со своими маленькими друзьями. Праздник получился чудесный, и дети после него писали Владимиру Ильичу письма, а он, хотя был очень занят, всегда отвечал им.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ НА СУББОТНИКЕ

Первое мая 1920 года.

Брошенный большевистской партией клич организовать вместо демонстрации Всероссийский субботник был горячо принят трудящимися. С самого раннего утра по городу с революционными песнями на субботник двинулись колонны московских рабочих и служащих.

В этот день в Кремле рано началась жизнь.

Сотрудники, явившиеся на субботник, объединялись в группы, отряды, колонны и уходили в назначенные места.

Красноармейцы Кремля не могли оставить свою службу. Поэтому и было решено, что субботник они проведут в Кремле, где также было много работы.

Кремлёвская воинская часть выстроилась на площади, против казарм.

Около девяти часов утра Владимир Ильич вышел на площадь, подошёл к командиру, по-военному отдал честь и сказал:

— Товарищ командир, разрешите мне присоединиться к вашей части для участия в субботнике.

Произошло секундное замешательство, после чего командир ответил:

— Пожалуйста! Станьте, Владимир Ильич, на правый фланг!

Владимир Ильич быстро прошёл к правому флангу и встал в шеренгу. Гул одобрения пронёсся по рядам красноармейцев. Они были счастливы, что Владимир Ильич вместе с ними.

Под звуки оркестра часть направилась к месту работы. Надо было очистить кремлёвскую площадь от огромных беспорядочных груд досок, брёвен, камней, перенести всё это довольно далеко и сложить по сортам: доски к доскам, брёвна к брёвнам, тёс к тёсу.

Все дружно принялись за дело. Владимир Ильич с увлечением работал, отдыхая лишь вместе со всеми, когда наступал пятиминутный перерыв «покурить». В эти пять минут Владимир Ильич был в центре внимания. Он шутил, смеялся, расспрашивал, рассказывал и вообще чувствовал себя великолепно.

По всей Москве разнеслась весть, что Владимир Ильич тоже участвует в субботнике. Везде с восторгом было встречено это радостное известие.

СОДЕРЖАНИЕ

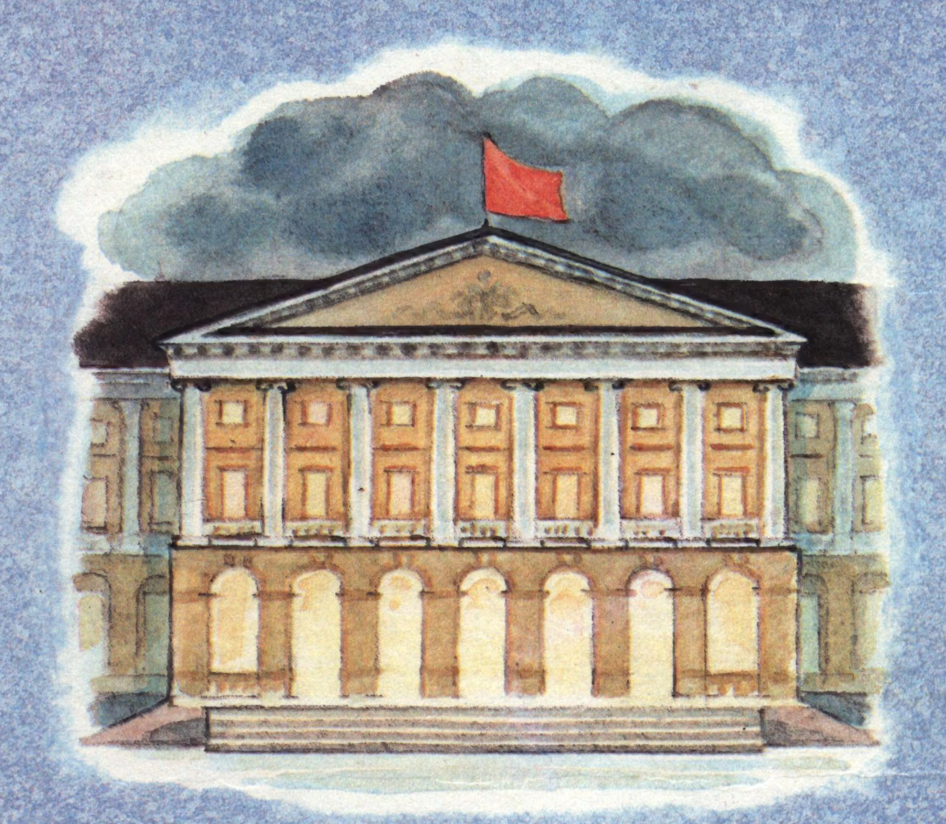
Для младшего школьного возраста

Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич

НАШ ИЛЬИЧ

ИБ № 8486

Ответственный редактор С. П. Мосейчук. Художественный редактор С. И. Нижняя. Технический редактор Л. П. Костикова. Корректор Э. Л. Лофенфельд. Подписано к печати с готовых диапозитивов 01.03.84. Формат $60 \times 90^1/_8$. Бум. офс. № 1. Шрифт журн.-рубленый. Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,5. Усл. кр.-отт. 31,0. Уч.-изд. л. 5,17. Тираж 750 000 экз. (1-й завод 1—250 000 экз.). Заказ № 4871. Цена 1 р. 10 к. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сущевский вал, 49.

Бонч-Бруевич В. Д.

Б81 Наш Ильич: Воспоминания / Рис. К. Безбородова.— Переизд.— М.: Дет. лит., 1984.— 60 с., ил.

В пер.: 1 р. 10 к.

Воспоминания выдающегося большевика В. Д. Бонч-Бруевича о Владимире Ильиче Ленине.

Б $\frac{4803010102—222}{М101(03)84}$ Без объявл.

ББК 13.5
3К26

1р. 10к.

